

Check for updates

История философии

УДК 101.1

EDN AXGCHS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-21-28>

Близость и даль в пространстве философского языка В. Бенямина и М. Хайдеггера

Н. В. Груба ¹

¹ Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования: Груба, Н. В. (2024) Близость и даль в пространстве философского языка В. Бенямина и М. Хайдеггера. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 1, с. 21–28. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-21-28> EDN AXGCHS

Получена 7 июля 2023; прошла рецензирование 5 февраля 2023; принята 11 февраля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Н. В. Груба (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье сопоставляются понятия близости (*Nähe*) и дали (*Ferne*) в работах В. Бенямина и М. Хайдеггера. Оба автора используют данную дихотомию для описания изменений, происходящих в XX веке в политике, искусстве и повседневности. Рассмотрение этих понятий в оригинальных текстах позволяет выявить их соотносительность, не всегда очевидную при переводе на русский язык, и потенциал их использования в качестве философских категорий как в современном контексте, так и в отношении классических проблем континентальной философии. В частности, через призму дихотомии «близости — дали» рассматривается классическое определение произведения искусства как предъяснение (присутствие) отсутствующего в «Лаокооне» Лессинга. Еще одной характерной аналогией становится представление игры fort/da (там / здесь) в тексте «По ту сторону принципа удовольствия» З. Фрейда, а также тот расширенный контекст, который приобретает интерпретация этого сюжета у Ж. Деррида.

В общих чертах намечены возможные направления дальнейшей разработки данного подхода в рамках диалектики отношений между человеком и вещами, человеком и техникой и между людьми. Рассмотрен ряд современных статей, которые позволяют проследить связь антиномии близости и дали с такими сферами, как физика (спутанность времени и пространства), вычислительная аналитика больших данных (проблема уникального и массового), социальные процессы (техническое опосредование взаимодействия между людьми). Отдельное внимание уделено соотношению понятий «ближнего» и «другого» в работах Р. Жирара и Дж. Агамбена и возможности их интерпретации через категории близости и дали. В целом статья скорее очерчивает возможные перспективы обращения к антиномии «близости — дали» как философским категориям, а не только служебным метафорам, чем предлагает готовые интерпретации.

Ключевые слова: аура, ауратичность, близость и даль, присутствие и отсутствие, fort/da, ближний, другой, пространственная метафора

Nearness and remoteness in the philosophical language of W. Benjamin and M. Heidegger

N. V. Gruba ¹

¹Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

For citation: Gruba, N. V. (2024) Nearness and remoteness in the philosophical language of W. Benjamin and M. Heidegger. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 21–28. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-21-28> EDN AXGCHS

Received 7 July 2023; reviewed 5 February 2023; accepted 11 February 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © N. V. Gruba (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article compares the concepts of closeness (*Nähe*) and distance (*Ferne*) in the works of W. Benjamin and M. Heidegger. Both Benjamin and Heidegger used this opposition to describe the changes in politics, art and everyday life in the 20th century. Consideration of these concepts in the original texts makes it possible to identify their correlation, which is not always obvious when translated into Russian, and also identify the potential for their use as philosophical categories both in the modern context and in relation to classical problems of continental philosophy. In particular, the author uses the ‘closeness — distance’ dichotomy to analyze Lessing’s classical definition of a work of art as the appearance (*presens*) of what is absent could be considered through the prism of the ‘closeness — distance’ dichotomy. Another obvious analogy is the description of the game *fort/da* (there/here) in *Beyond the Pleasure Principle* by S. Freud, as well as the expanded context of this game in J. Derrida’s deconstruction interpretation.

The article outlines the possible vectors for further development of this approach within the framework of the dialectic of relations between man and things, man and technology, and between people. The author considers a number of modern articles that trace the connection of the ‘closeness — distance’ opposition with physics (confusion of time and space), computational analytics of big data (the problem of unique and mass), and social processes (technical mediation of interaction between people). Special attention is paid to the relationship between the concepts of ‘neighbor’ and ‘other’ in the works of R. Girard and J. Agamben and the possibility of their interpretation through the categories of closeness and distance. In general, the article focuses more on outlining the prospects of addressing the ‘closeness — distance’ antinomy as philosophical categories and not just as auxiliary metaphors, rather than offering ready-made interpretations.

Keywords: aura, auraticity, closeness and distance, presence and absence, *fort/da*, neighbor, other, spatial metaphor

Сопоставление работ Вальтера Бенямина и Мартина Хайдеггера составляет большую часть рефлексивного философского наследия. Взгляды этих философов на онтологию, эстетику, прогресс и политику, как правило, рассматриваются как полярно противоположные, но именно это позволяет говорить и о точках соприкосновения, поскольку подразумевает общие основания для сравнения. Одним из таких оснований может быть дихотомия «близость — даль» (*Nähe — Ferne*), с помощью которой Бенямин и Хайдеггер раскрывают как основные противоречия и драму современной им исторической эпохи, так и классические проблемы философии. Подобный ход позволяет расширить исторический контекст философской проблематики за пределы прямого противопоставления «левой» диалектики Бенямина и «правой» метафизики Хайдеггера, что и является предметом рассмотрения в данной статье.

Как правило, значимые философские категории при переводе стилизуются или приводятся в скобках на языке оригинала, чтобы подчеркнуть оригинальность авторского термина. Так, например, в английском переводе Бенямина можно встретить «distance [*Ferne*]» и «close [*nah*]», а в тексте Хайдеггера — неологизмы «remoteness» и «nearness». Однако в русских текстах эти понятия переведены как «близость» и «даль» и никак не акцентированы.

В статье «Роковой час искусства: Бенямин, Хайдеггер, искусство и политика» Кристофер Лонг (Long 2001) обращает внимание на то, что оба автора используют категории близости и дали при определении ключевых изменений, происходящих в создании и восприятии произведений искусства. Он сопоставляет практически параллельно созданные в 1935 году тексты «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости» Бенямина и «Исток

художественного творения» Хайдеггера и предлагает рассматривать понятия «ауры» у Бенямина и «алетейи» у Хайдеггера как синонимичные, чтобы показать противоположность эстетической и политической программы обоих авторов: «Концепция, вокруг которой наиболее отчетливо вырисовывается связь между этими двумя эссе, — это понятие „ауры“ произведения искусства, разработанное Бенямином. Как будет видно далее, беняминовскую концепцию ауры и ее распада можно сопоставить с хайдеггеровской концепцией алетейи как изначального события истины в произведении искусства, что позволит пролить свет на противоположные импульсы этих двух авторов. В то время как Бенямин подчеркивает освободительные аспекты распада ауры и использует этот процесс против того, что он считал растущей эстетизацией политики силами фашизма, Хайдеггер пытается оживить ауру, чтобы обеспечить возможность подлинного отношения с истоком, что позволило бы восстановить дух и силу немецкого народа» (Long 2001, 90). Но, как и заявлено в названии статьи, автор предлагает интерпретацию дихотомии «близость — даль» преимущественно в историко-политическом контексте «левой» и «правой» позиции авторов, ссылаясь на биографические факты и мировоззрение.

Чтобы прояснить природу категорий «близости» и «дали» в более широком поле философской мысли, необходимо обратиться к контексту их употребления в первоисточниках. В «Произведении искусства...» Бенямин определяет ауру как «странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был» (Бенямин 2022, 75). Время здесь может быть также понято пространственно, согласно кантовским априорным категориям созерцания: время для удобства представляется в виде прямой, в которой все точки визуально сосуществуют одновременно, но подразумеваются как следующие одна за другой, сменяющие друг друга (Кант 1994, 73). Однако в тексте можно найти несколько интерпретаций того, как понимать эти близость и даль ауратичности. Это подлинность, единичность произведения искусства как вещи, которая не может находиться в разных местах одновременно (принадлежность конкретному времени и пространству). Это даль как сакральность, принадлежность произведения культу, ритуалу — будь то религия или служение красоте. И наконец — граница между автором и зрителем (читателем), худож-

ником и публикой, профессионалом и любителями. Разрушение ауры описывается как снятие этого диалектического удержания близости — дали, как приближение, «*näherzubringen*», которое можно прочесть и как «*näher bringen*» — «объяснение», и которое сам автор ставит в кавычки, указывая на не прямое значение, возможно иллюзорность или инаковость такой близости.

Нельзя забывать, что Бенямин говорит о разрушении ауры в позитивном ключе, предлагая посмотреть на этот процесс как часть исторической диалектики. Например, он пишет об Атже: «Он первым продезинфицировал удрушающую атмосферу, которую распространил вокруг себя фотопортрет эпохи упадка. <...> он начал освобождение объекта от ауры, которая составляла несомненное достоинство наиболее ранней фотографической школы. <...> Его интересовало забытое и брошенное, и потому эти снимки также обращаются против экзотического, помпезного, романтического звучания названий городов; они высасывают ауру из действительности, как воду из тонущего корабля» (Бенямин 2022, 48, 50). Таким образом разрушение ауры становится спасением, а не катастрофой. И это спасение в современной ему реальности Бенямин связывает с политическим противостоянием: «Вводимые далее в теорию искусства новые понятия отличаются от более привычных тем, что использовать их для фашистских целей совершенно невозможно» (Бенямин 2022, 66). Он безусловно и открыто проводит черту в этом воображаемом социально-политическом пространстве, оставаясь «слева» от нее.

Хайдеггер наиболее полно раскрывает интуиции и значение дихотомии «близость — даль» в эссе 1950 года «Вещь» (Хайдеггер 1993). Текст начинается с почти газетного по тону пассажа об изменении пространства и времени под влиянием технического прогресса: самолеты, телеграф, фото- и кинокадры все стремительнее сокращают любые расстояния в значении скорости их пересечения. Все небольшое введение в оригинале построено на игре однокоренных слов вокруг понятия дали (*Ferne*): расстояние (*Entfernungen*), далекий (*entfernte*), телевизор (*Fernsehapparatur*). Постепенно эта игра слов переходит в поэтический и философский регистр. Автор предлагает читателю афористическое высказывание, формулу, которую он проясняет всем дальнейшим ходом эссе: «*Kleine Entfernung ist nicht schon Nähe. Große Entfernung ist noch nicht Ferne*» (Heidegger 2000, 167), или в переводе

Бибихина: «Малое отстояние — еще не близость. Большое расстояние — еще не даль» (Хайдеггер 1993, 316). Если Бенямин свидетельствует о разрушении *Ferne* вещи, Хайдеггер говорит о невозможности достичь близости, *Nähe*. Подлинная *Nähe* не пространственна, поэтому техника бессильна помочь нам ее обрести, хоть и постоянно манифестирует подобные притязания, предлагая себя массам. Вещи дословно «смываются одним потоком, смешиваются» (*zusammengeschwemmt*) и «сдвигаются, лишаются дистанции» (*Zusammenrücken*). Хайдеггер именует это явление *Abstandlose*, что означает потерю, лишенность (*los*) интервала, расстояния, зазора, пространства между (*Abstand*). Вместо отношений «близости — дали» вещи и человек оказываются в неопределенном *Abstandlose*, «недалеком» в переводе Бибихина.

Несмотря на разные интерпретации — утрату дали или недостижимость близости, — которые, возможно, связаны с метафорическим положением «слева» или «справа» от рассматриваемого явления, и Бенямин, и Хайдеггер говорят об утрате самого этого измерения и эффекте ложного сближения, схлопывания, коллапса. Используя еще одну популярную пространственную метафору, можно сказать, что точки зрения авторов двигаются в противоположные стороны не на плоскости, а на поверхности шара, что в конечном итоге приводит к встрече или сближению.

Как было отмечено, эта дискуссия может быть рассмотрена в более широком историческом и философском контексте. Так, тема технического прогресса находится в тесной связи с философией Просвещения. Интересующую Бенямина и Хайдеггера парадоксальность «близости — дали» в восприятии произведений искусства можно найти в первых строках программного для Просвещения «Лаокоона» Лессинга: поэзия и изобразительные искусства «представляют нам отсутствующие вещи в таком виде, как если бы вещи эти находились вблизи, видимость превращают в действительность, та и другая обманывают нас, и обман обеих доставляет удовольствие» (Лессинг 2021, 7). В оригинале речь не совсем о близости и отдалении: «*abwesende Dinge als gegenwärtig, den Schein als Wirklichkeit vor*» (отсутствующие вещи как присутствующие, видимость как действительность) (Lessing 2004). Но речь также идет об удержании некоторого напряжения между противоположностями: отсутствием — присутствием. В этом контексте даль и близость могут быть рассмотрены не как качественная статичная характеристика, а как динамическая: приближение

и отдаление, явление и исчезание, в своем пределе становясь присутствием и отсутствием. Если следовать этому определению, обсуждаемое Хайдеггером и Бенямином репродуцирование может быть понято как двойное отрицание: ауратичное произведение искусства являет отсутствующее изображаемое (являет, приближает его), но также и собственную отдаленность (*Ferne*) — физическую, историческую, сакральную, социальную, в то время как репродукция схлопывает эту даль, вновь сводя ее просто к предъявлению отсутствующего или предъявлению предъявления, будучи доступной, но ни к чему не отсылая.

Противопоставление отсутствия и присутствия, дали и близости также не может не напомнить об известном примере игры в исчезновение (*Fort*) и появление (*Da*) в тексте «По ту сторону удовольствия» З. Фрейда (Фрейд 2013, 10–11). Ребенок отбрасывает игрушку на нитке за пределы видимости и восклицает: «*Fort*» (там), потом притягивает ее обратно в кроватку: «*Da*» (тут). Этот пример, обсуждаемый с психоаналитической точки зрения как способ справиться с исчезновением (временным отсутствием и появлением) матери, в более широком смысле может быть одной из моделей обсуждаемой здесь диалектики «близости — дали»: вещь, артефакт, наделяемый аффективным смыслом (в этом случае чувствами, связанными с фигурой матери), отбрасывается и притягивается. Так детская игра, как первое символическое, может быть праформой той игры в отсутствие — присутствие, близость — даль, которая, по Лессингу, приносит удовольствие от создания и восприятия произведений искусства. Фрейд приводит и другой вариант игры, в котором ребенок забрасывает игрушки как можно дальше, так что не только для него, но и для взрослых представляет трудность найти их, — и интерпретирует это действие как отказ от удовлетворения влечения при невозможности повлиять на ситуацию: «Отбрасывание предмета, так что он исчезает, может быть удовлетворением подавленного в жизни импульса мщениия матери за то, что она ушла от ребенка, и может иметь значение упрямого непослушания: „да, иди прочь, мне тебя не надо, я сам тебя отсылаю“» (Фрейд 2013, 11). Таким образом, отсутствие рассматривается не как чистое отрицание (предмет не существует), а как отрицание-для-меня (предмета нет у меня, и далее — я сам отбрасываю этот предмет). В этом виде, как и в случае произведения искусства у Лессинга, предмет одновременно отсутствует рядом с воспринимающим и присутствует для него, в воображении

или на картине, как объект влечения или источник удовольствия. Ж. Деррида в тексте «О почтовой открытке» связывает игру *fort / da* с понятием «вечного возвращения» у Ницше: «Имя Ницше там не упоминается, но это неважно. Отрывок касается существования в психической жизни неудержимого стремления к воспроизведению: оно будто бы принимает форму повторения, больше не обращая внимания на принцип удовольствия, и даже будто бы обладает верховенством над ним» (Деррида 1999, 418). Уже в первых абзацах интерлюдии Деррида помещает эту диаду в синонимический ряд с «близостью — далью»: «В чем разница между здесь и там, близким и далеким, *da und fort*, одним или другим» (Деррида 1999, 6). И далее в эпистолярной части «Посланий» он бросает прямой намек на сопоставление с текстом Беньямина: «Всегда *fort / da* и *tekhne* телекоммуникаций в эпоху психоаналитической воспроизводимости» (Деррида 1999, 268).

Образ удержания отсутствия — присутствия, и влияния заинтересованного взгляда вовлеченного наблюдателя, может напомнить о еще одном «ушедшем в тираж» (возвращающемся, репродуцируемом) сюжете, который из мыслительного эксперимента превратился в популярную метафору: это кот Шрёдингера. Используя этот образ, можно было бы сказать, что публика (или массы в марксистской терминологии), получившая доступ к сакральному ящику искусства, разрушает его аурачность и тем самым или убивает его, или возвращает к жизни. Автор статьи, посвященной популяризации идей философии и физики начала XX века (Fevnes 2016), обращает внимание на общность терминологии у Беньямина и Шрёдингера в оригинальных немецких текстах. При переводе на другие языки из-за различия контекста эта общность теряется. Так, в практически идентичных абзацах, посвященных определению ауры, в «Краткой истории фотографии» и «Произведении искусства...» Беньямин говорит о паутине или коконе (*Gespinst*) пространства и времени произведения (вещи, *das Ding*), которые «*so eng verschränkt*» — что можно перевести как «спутаны» или «взаимопереплетены» (в русском переводе «соединены» и «спаяны»). Этот же термин, *Verschränkung*, использует Шрёдингер для описания состояния запутанности между частицами: «Шрёдингер опирается на образ *Verschränkung*, предполагающий наличие тесно переплетенных взаимосвязей между разрозненными элементами, которые нельзя охарактеризовать ни как причинные, ни как чисто формальные» (Fevnes 2016). Сами тексты Беньямина и Шрёдингера оказываются

в этом смысле в состоянии спутанности — связанными, но не формально и не причинно. Язык математики и физики все больше вплетается в ткань философского языка — уже не как иллюстрация, но как инструмент рассуждения, привнося в него новые идеи и аналогии, в том числе ретроспективно.

Еще одной оптикой для описания коллапса близости — дали может быть антиномия единичного — массового. Вернемся к «Произведению искусства...» Беньямина: «Освобождение предмета от его оболочки, разрушение ауры — характерная черта восприятия, чей „вкус к однотипному в мире“ усилился настолько, что оно с помощью репродукции выжимает эту однотипность даже из уникальных явлений. Так в области наглядного восприятия находит отражение то, что в области теории проявляется как усиливающееся значение статистики» (Беньямин 2022, 76). Действительно, обращение к математике как инструменту за прошедший век трансформировалось в цифровое (вос)произведение, сменившее механику, химию и физику технического репродуцирования. Достаточно заменить в последней цитате «статистику» на «большие данные». С помощью математических моделей современная техника, как объект и как процесс, позволяет воспроизводить некоторые паттерны действий человека в сфере символического — создание текстов и изображений, — а не только природных и рукотворных объектов. Характер этого репродуцирования совершенно лишен каузальности и психологизации, будучи основан на несколько усложненном варианте того, что Беньямин называет статистикой. При этом осмысленность, этическую и эстетическую ценность продуцируемого алгоритмом оценивает (интерпретирует) наблюдатель. Современная цифровая техника репродуцирует не отдельные объекты, а символическое как вычисленное, лишенное как означаемого, так и традиционного означющего. Выйдя за пределы точных и естественных наук, математика охватывает с помощью вычислительного аппарата традиционную сферу гуманитарного — тексты, изображения, политическую и частную жизнь. Теперь сам человек лишается аурачности и становится предметом репродуцирования. На место «вкуса к однотипному» пришел вкус к многообразному (*diversity*), то есть новому массовому. Так, например, в одной из статей, посвященной использованию *AI* в культурных исследованиях, можно найти проект новой вычислительной практики, культурной аналитики: «Конечная цель культурной аналитики должна заключаться

в составлении карты и детальном описании многообразия современных профессиональных и пользовательских культурных артефактов, созданных по всему миру, то есть необходимо сосредоточиться на различиях между многочисленными артефактами, а не только на том, что их объединяет» (Manovich 2017). В этом ключе массовое у Бенямина можно рассматривать как множественное, посчитанное за единичное (коллективный субъект) и таким образом схлопывающее метафорическое расстояние дали — близости, расстояние социальных отношений. А современную модель больших данных — как многообразное, математически вычисленное из этого единичного. Но необходимо помнить, что вычисленное само по себе не приносит никакого качественного знания: «Предложение математики не выражает никакой мысли» (Витгенштейн 1994, 64).

Возможно наиболее явно сближение «левых» позиций Бенямина и «правых» у его современников Хайдеггера и Шмитта, поиск общих оснований этой полемики для современной философии можно найти у Дж. Агамбена. В частности, серия его эссе, написанных во время пандемии Covid-19 (Агамбен 2022), посвящена в том числе обсуждению буквальной и метафорической дистанции (близости и дали) между людьми, вопросу сообществ и близких связей. Агамбен обращает внимание на характер повседневного, социального, художественного, политического проживания периода локдауна, который был возможен благодаря развитию цифровых технологий. Возвращение апокалиптического дискурса как «конца времен» также переживалось как схлопывание социального пространства в однородную «социальную дистанцию». Несмотря на устойчивое определение «социальная», это скорее однородное евклидово пространство между двумя телами, более просто физическими, нежели специфически человеческими. Такая дистанция может быть измерена и нормирована — так, что философское понятие Другого, эмоционально-повседневное представление о близости (близких отношениях, ближнем круге) и евангельский ближний теряют свои значения на фоне преобладания санитарного медицинского дискурса.

Таким образом, дихотомия близости — дали может быть рассмотрена и через понятия «другого» и «ближнего». Другой — понятие, которое проводит границу между Я и Иным; ближний, близкий обозначают скорее соприкосновение, а не отделение. Близкий — человек, который не просто «граничит» со мной (социально или пространственно), но и входит в некоторый

виртуальный круг, который отделяет «нас» от «них» или частную жизнь от общественной. «Ближний» также указывает на универсальность человеческого в любом другом. Понятия «ближнего» и «другого» можно рассматривать как две традиции обозначения любого человеческого не-Я. Их прямое сопоставление мы можем встретить, например, в понятии миметического желания у Жирара: «Считается, что желание объективно и субъективно, но в действительности оно покоится на „Другом“, который и сообщает объектам их ценность, на третьем и самом близком — на ближнем. <...> Ближний есть модель наших желаний». (Жирар 2015, 16). Агамбен возвращает понятия близости и ближнего в поле социального и философского дискурса — туда, где некоторое время присутствовал только радикально Другой. Это не только метафорическая близость, но и буквальная общность совместного присутствия, собрания, которую Агамбен противопоставляет отсутствию каждого при взаимодействии с помощью технических средств связи.

Так или иначе обсуждение метаморфоз близости и дали, коллапса физического и метафорического расстояния между человеком и вещью и между людьми оказывается сопряжено с представлением о конце времен, которое вернулось в повседневное, социальное и философское языковое пространство на фоне пандемии, но и сейчас не теряет актуальности в дискуссиях о расширяющихся возможностях машинного обучения, цифровизации социальных, коммерческих и производственных процессов, обострении общественных и политических конфликтов. Эта ожидаемая, дрящящая или уже свершившаяся катастрофа может рассматриваться как трагическая утрата или возможность начать новый отсчет, новое время. Однако репродуцирующийся характер апокалиптического дискурса позволяет также посмотреть на него как на еще один коллапс на линии времени, где все они существуют не последовательно, а одновременно в рамках пространственной метафоры.

Таким образом, в статье были намечены некоторые наиболее очевидные направления для рассмотрения дихотомии дали и близости как инструмента философского дискурса. Будучи первично обнаружено в текстах В. Бенямина и М. Хайдеггера, это сопоставление может быть рассмотрено как универсальное для многих других классических текстов и представляется продуктивным не только с исторической точки зрения, но и в качестве одного из ключей для анализа и развития идей современной философии общества и техники.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Агамбен, Дж. (2022) *Куда мы пришли? Эпидемия как политика*. М.: Ноократия, 144 с.
- Беньямин, В. (2022) *Краткая история фотографии*. М.: Ад Маргинем, 144 с.
- Витгенштейн, Л. (1994) *Философские работы*. Ч. I. М.: Гнозис, 612 с.
- Деррида Ж. (1999) *О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только*. Минск: Современный литератор, 829 с.
- Деррида, Ж. (2004) Насилие и метафизика. В кн.: Э. Левинас *Избранное: Трудная свобода*. М.: РОССПЭН, с. 663–732.
- Жиран, Р. (2015) *Я вижу Сатану, падающего, как молния*. М.: ББИ, 256 с.
- Кант, И. (1994) *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3: Критика чистого разума*. М.: ЧОРО, 740 с.
- Лессинг, Г. Э. (2021) *Лаокоон, или О границах живописи и поэзии*. СПб.: Азбука, 320 с.
- Фрейд, З. (2013) *По ту сторону принципа удовольствия*. М.: Фолио, 288 с.
- Хайдеггер, М. (1993) *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 447 с.
- Benjamin, W. (1991) *Gesammelte Schriften. Bd. 1*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 1276 p.
- Fenves, P. (2016) The problem of popularization in Benjamin, Schrödinger, and Heidegger circa 1935. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*, vol. 91, no. 2, pp. 112–125. <https://doi.org/10.1080/00168890.2016.1166861>
- Heidegger, M. (2000) *Gesamtausgabe. Bd. 7*. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann Verlag, 298 p.
- Lessing, G. E. (2004) *Laokoon: Oder, Über die Grenzen der Malerei und Poesie*. [Online]. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/6889> (accessed 01.10.2023).
- Long, C. P. (2001) Art's fateful hour: Benjamin, Heidegger, art and politics. *New German Critique*, no. 83, pp. 89–115. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.2307/827790> (accessed 01.10.2023).
- Manovich, L. (2017) *Automating aesthetics: Artificial intelligence and image culture*. [Online]. Available at: <https://www.academia.edu/34471806> (accessed 01.10.2023).

References

- Agamben, G. (2022) *Kuda my prishli? Epidemiya kak politika [Where are we now? The epidemic as politics]*. Moscow: Nookratia Publ., 144 p. (In Russian)
- Benjamin, A., Vardoulakis, D. (eds.). (2015) *Sparks will fly: Benjamin and Heidegger*. New York: Sunny Press, 306 p. (In English)
- Benjamin, W. (1991) *Gesammelte Schriften [Collected works]. Bd. 1*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 1276 p. (In German)
- Benjamin, W. (2008) *The work of art in the age of its technological reproducibility, and other writings on media*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 426 p. (In English)
- Benjamin, W. (2022) *Kratkaya istoriya fotografii [A short history of photography]*. Moscow: Ad Marginem Publ., 144 p. (In Russian)
- Derrida, J. (1999) *O pochtovoy otkrytke ot Sokrata do Frejda i ne tol'ko [The post card: From Socrates to Freud and beyond]*. Minsk: Sovremennyy literator Publ., 829 p. (In Russian)
- Derrida, J. (2004) Nasilie i metafizika [Violence and metaphysics]. In: E. Levinas. *Izbrannoe: Trudnaya svoboda [Selected works: Hard freedom]*. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 663–732. (In Russian)
- Fenves, P. (2016) The problem of popularization in Benjamin, Schrödinger, and Heidegger circa 1935. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*, vol. 91, no. 2, pp. 112–125. <https://doi.org/10.1080/00168890.2016.1166861> (In English)
- Freud, Z. (2013) *Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Beyond the pleasure principle]*. Moscow: Folio Publ., 288 p. (In Russian)
- Girard, R. (2015) *Ya vizhu Satanu, padayushchego, kak molniya [I see Satan fall like lightning]*. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute Publ., 256 p. (In Russian)
- Groys, B. (2021) *Vvedenie v antifilosofiyu [Introduction to anti-philosophy]*. Moscow: Ad Marginem Publ., 224 p. (In Russian)
- Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and being: Articles and speeches]*. Moscow: Respublica Publ., 447 p. (In Russian)

- Heidegger, M. (2000) *Gesamtausgabe [Complete works]. Bd. 7*. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann Verlag, 298 p. (In German)
- Kant, I. (1994) *Sobranie sochinenij: v 8 t. T. 3: Kritika chistogo razuma [Collected works: In 8 vols. Vol. 3: Critique of pure reason]*. Moscow: CHORO Publ., 740 p. (In Russian)
- Lacan, J. (2011) *Seminary. Kniga 20. Eshche (1972–1973) [Seminars. Book 20. More (1972–1973)]*. Moscow: Gnosis Publ.; Logos Publ., 176 p. (In Russian)
- Lessing, G. E. (2004) *Laokoon: Oder, Über die Grenzen der Malerei und Poesie [Laocoon: An essay on the limits of painting and poetry]*. [Online]. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/6889> (accessed 01.10.2023). (In German)
- Lessing, G. E. (2021) *Laokoon, ili O granitsakh zhivopisi i poesii [Laocoon: An essay on the limits of painting and poetry]*. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 320 p. (In Russian)
- Long, C. P. (2001) Art's fateful hour: Benjamin, Heidegger, art and politics. *New German Critique*, no. 83, pp. 89–115. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.2307/827790> (accessed 01.10.2023). (In English)
- Manovich, L. (2017) *Automating aesthetics: Artificial intelligence and image culture*. [Online]. Available at: <https://www.academia.edu/34471806> (accessed 01.10.2023). (In English)
- Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty. Ch. I [Philosophical works. Pt. I]*. Moscow: Gnosis Publ., 612 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Наталья Викторовна Груба, e-mail: natalia.v.gruba@gmail.com
Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Author

Natalia V. Gruba, e-mail: natalia.v.gruba@gmail.com
Independent researcher, Saint Petersburg, Russia